

Иллюстрация: Eugene Ivanov

Жизнь после жизни

Вдохновенная поклонница сразу трех великих итальянских опер — «Травиата», «Тоска» и «Риголетто», историк искусства, Ольга Косырева с радостным изумлением обнаружила, что с уходом из глянца все хорошее только начинается.

Все когда-нибудь кончается, даже самое хорошее. Еще совсем недавно, каких-то четыре года назад, у меня была прекрасная, нарядная, полная событий жизнь в редакциях модных и не очень журналов. Жизнь, которая показала мне Европу и Америку, немножко Азии и совсем чуть-чуть России. Которая познакомила меня с Наоми Кэмпбелл и Шэрон Стоун, с Роберто Кавалли и Джорджо Армани, с Филиппом Старком и Каримом Рашидом. Которая годами позволяла не замечать смену времен года — потому что ты всегда в такси, всегда с голыми ногами, всегда в коктейльном платье, всегда из дома затемно и домой затемно. И тут она кончилась, эта жизнь. Не скажу, что в один день: сок вытекал из нее постепенно, по капле, и в один из теплых весенних дней вытек весь. Ощущения — как пишут в книжках, — что дальше лишь пустота, не было. У меня уже кончались какие-то предыдущие жизни, когда по моей инициативе, когда вопреки моим желаниям, но это неважно. Я не боюсь. Я знаю, что дальше будет только лучше. Только не всегда знаю, как оно будет.

Проканало и на этот раз. Не сразу, но довольно быстро. Сначала я попробовала писать на заказ — но обо всем подряд я не хотела, а о том, чего хотела я, не хотели «они». Потом задумала издать несколько книжек — быстро составив смету и проведя ряд переговоров, затею оставила: плохих не умею, а хорошие — очень невыгодно. Взлась редактировать переводной фолиант — умерла бы с голоду, если бы переводчик не подкармливал и не подбадривал. И тут вспомнила об одном своем опыте, удачном и очень взбудоражившем: еще в бытность моей работы в Vogue Марина Добровинская, зачинавшая в тот момент свои искусствоведческие курсы при филиале аукционного Дома Phillips, попросила порекомендовать кого-то, кто может прочесть курс лекций по истории современного дизайна. Никого более подходящего, чем я сама, я ей предложить не смогла. «Вот и отлично! Шесть понедельников в феврале и марте — твои!» — услышала я в ответ.

То боевое крещение прошло достойно. В панике я готовилась так, что могла бы не по три часа рассказывать, а по шесть. Слушатели внимали, как замороженные. До сих пор помню, как Володя Глынин, наш известный фотограф, рассматривал изображения барселонского павильона Людвиг Мис ван дер Роз и качал головой со словами: «Надо же, надо же, почти сто лет назад построено, а и сейчас выглядит недостижимым авангардом!»

И я взяла эту программу, пошаманила еще над ней, добавила изюму, перца, нарастила жирку — и объявила о создании «Дизайн-лектория Ольги Косыревой», общеобразовательных лекций по истории дизайна XX и XXI веков. Среди первых слушателей была моя подруга-архитектор и парочка ее сотрудниц, близкая подруга моего партнера-соучредителя, старинный знакомый — мебельный дилер и один его клиент, ставший

приятелем. Постепенно, как это обычно бывает в Москве, включилось сарафанное радио, и сейчас большая часть лиц на моих лекциях — незнакомые. И сама моя жизнь — другая. Теперь я езжу на фестиваль дизайна в Лондон — и рассказываю своим слушателям в Москве о британских перформансах и новинках. Ем дизайнерский обед в голландской глуши — и устраиваю лекцию о все усиливающейся связи между дизайном и едой. Осматриваю в Дубае первые «Дни дизайна» — и приглашаю слушателей обсудить ближневосточный феномен. Встречаюсь в Антверпене с эпатажными дизайнерами из Studio Job — и ставлю на повестку дня вопрос, является ли дизайн искусством и уместны ли в нем провокации. Послушать и узнать что-то новое для себя ко мне приходят дизайнеры, мебельщики, девелоперы, владельцы строительных компаний — им нужна постоянная подпитка, нужно быть в курсе, нужно не ударить в грязь лицом и знать, куда ветер дует. Приходит и просто люди, которые не любят останавливаться, которых тащит за собой их любопытство, которые считают, что, раз уж научились разбираться в сортах устриц и названиях шато, то и в формальдегидных акулах и винтажных скандинавских стульях неплохо бы сориентироваться.

Чего уж там скрывать, мне все это нравится. Как однажды сказала одна моя острая на язык подружка: «Еще бы! В редакции, даже если ты начальник, то все равно дурак. Потому что у тебя всегда дедлайн, всегда цейтнот, всегда бюджет, и всегда где-то там еще есть начальник, с которым вы не сходитесь во мнениях. А тут — ты приходишь в класс, где ты любого на две, десять, двадцать голов образованием (хотя бы в своей узкой области). И этот любой два часа смотрит тебе в рот и записывает каждое твое слово. Это как должно поднимать самооценку-то!»

С самооценкой у меня и раньше было все о'кей. Но чем дальше, тем больше правды я нахожу в ее словах. Гуру быть приятно. Даже просто любимым преподавателем и лектором быть приятно. Приятно, когда к тебе подходят после лекций и благодарят. Когда аплодируют. Когда говорят, что одна сегодняшняя твоя речь объяснила больше, чем два семестра в Академии художеств. Когда приходят советовать, надо ли отдавать детей учиться в архитектурный или на дизайнера. Когда звонят за консультацией и безоговорочно принимают советы. Когда на защите диплома признаются: «Если бы не вы, этого диплома не было бы». Когда в комментариях в ФБ пишут: «Спасибо, я счастлив быть с вами знакомым». Когда звонят из Рязани и говорят: «Приезжайте, у нас информационный голод!» Когда в Казани прекращают запись на лекцию за неделю до, потому что уже не вмещает зал. И когда ты понимаешь, что после твоих слов у кого-то переворачивается жизнь и начинается новая — ты понимаешь, что и твоя не кончилась с уходом из блестящего редакционного мира, а только началась.